

Ф. А. Асадуллин¹

**ПОЧЕМУ МОСКВА ОБЯЗАНА СВОИМ ВЕЛИЧИЕМ ХАНАМ?
(Смыслы и ценности кросс-культурных связей
тюркских и славянских народов России)**

Прошедшие в 2012 году торжества, посвященные 1150-летию российской государственности, послужили значительным стимулом для широких дискуссий среди научной общественности о цивилизационном фундаменте многонационального Российского государства, что было актуализировано двумя разными по целеполаганию и масштабу, но одинаково важными для общества событиями. Во-первых, воссозданием летом прошлого года в Москве Российского исторического общества (РИО), что стало результатом возросшего общественного интереса к истории Отечества, и, во-вторых, началом реализации давно вынашиваемой (еще с 1990-х гг.) идеи евразийской интеграции на пространстве СНГ: первым шагом по инициативе российского руководства стало создание амбициозного по геополитическим задачам Евразийского экономического союза. Именно эти обстоятельства общественно-научной и политической действительности страны задают вектор исторической ретроспекции, многоплановое осмысление которой возвращает нас вновь к проблеме обретения национальной общероссийской идентичности и близкого для всех россиян культурного кода.

¹ Заместитель председателя Духовного управления мусульман европейской части России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), кандидат филологических наук. Автор более 100 научных публикаций по проблемам развития арабской культуры, истории ислама, мусульманского вероучения и межрелигиозным отношениям, среди них: «Ислам в Москве», «Очерк истории ливийской литературы, XIX–XX вв.», «Москва мусульманская», «Главная мечеть России», «Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации». Сопредседатель информационно-аналитического центра Совета муфтиев России. Шейх. Заслуженный деятель культуры Республики Татарстан. Лауреат премии РАН им. С. Ф. Ольденбурга. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Инициированный РИО процесс верификации российской истории, опирающийся на главный принцип подлинно научного знания — стремление к объективности и достоверности, является базисом формирования общероссийской исторической культуры, что предполагает введение в научный оборот духовно-интеллектуального вклада всех ее субъектов и непредвзятого осмысления совокупности всех событий и вех прошлого, общего для всех народов страны. В связи с этим важно вновь обратиться к истокам российской истории, ибо, согласно В. О. Ключевскому, «изучая предков, узнаем самих себя». Московская старина дает в этом плане неоценимый по важности материал. Город, имеющий особый столичный статус и символическое значение в сознании каждого россиянина, способен отразить глубину и особенности российской цивилизации, возраст которой не намного больше возраста российской столицы.

Согласно Федеральному закону РФ «О столице Российской Федерации», «столица Российской Федерации — исторически сложившийся центр культурных, духовных и социальных традиций многонационального народа Российской Федерации»².

В отличие от других европейских столиц, возникших, как правило, до или в начале нашей эры на месте старых римских городских поселений или римских крепостей (например, Лондон в Англии, Париж во Франции), Москва, перешагнувшая свое 866-летие, не имеет подобной «длинной» исторической родословной. К моменту первого упоминания Москвы

² См.: О столице Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4802 // Сервер органов государственной власти Российской Федерации «Официальная Россия». URL: <http://www.mos.ru>

в границах Средней Волги и Камы уже сформировался, по выражению академика В. В. Бартольда, «самый северный форпост исламской цивилизации» — Волжская Булгария, первое на территории современной России государственное образование с официально обозначенной конфессионально-культурной традицией. Официально это произошло в 922 году, за 66 лет до крещения Киевской Руси и принятия великим князем Владимиром и его дружиной христианства византийского образца. Связи между Древнерусским государством и Волжской Булгарией складывались негладко, но одинаковый интерес к развитию взаимной торговли и товарообмена стимулировал стремление поддерживать мирные отношения¹. Этому во многом способствовала схожесть хозяйственных систем Волжской Булгарии и Северо-Восточной Руси, на что указывает Л. Гумилев, отмечая, что «различие между славянами и булгарами было не антропологическим, не расовым и даже не экономическим, а религиозным»². Важно отметить, что сочинения средневековых арабских и персидских путешественников и историков IX–X веков ат-Табари («История царей»), аль-Масуди («Известия эпох»), Ибн Хордабеха («Книга путей и государств»), Ибн Фадлана («Путешествие на Волгу»), Абу Али Омара ибн Даста («Книга драгоценных сокровищ»), а также Джувейни, Ибн Асира, Ибн Руста, Ибн Асама аль-Курра в условиях дефицита собственно русских документированных источников восполняют этот пробел и дают общее представление о славянах, хазарах, волжских булгарах, буртасах и других народах, населявших этот уголок Восточной Европы³.

Первое упоминание о Москве, согласно Ипатьевской летописи, относится к 1147 году, когда она была небольшим укреплением в юго-западной части Владимиро-Суздальского княжества и входила во владения боярина Кучки — знаменитое Кучково (Кучковы села). Кучковы села располагались: одно — на месте будущего Кремля, другое — на месте памятника первопечатнику Ивану Федорову и третье — в районе современной Сретенки, близ Сухаревской площади. Этот район между нынешним началом Никольской улицы и окончанием Сретенки, спускающейся к Неглинной, в народе назывался Кучково поле⁴. Об этом говорится в «Повести о начале Москвы» — книжном произведении, неопределенно датируемом концом XVI — началом XVII века. Непривычное для русского уха Кучка, по всей вероятности, может восходить к словам тюркского корня «кучук» — «маленький», «небольшой» или, как и имя Кучум, «кучу» — перемещение, переезд, кочевье. Такая версия нам представляется вполне правдоподобной, если учитывать, что к этому времени между Владимиро-Суздальским княжеством и Волжской Булгарией в силу географической близости и постоянно расширяющихся торговых связей происхо-

дили активные миграционные процессы, следствием чего было, в частности, образование смешанных браков и смешанного булгаро-русского населения. Из их числа (с большой долей вероятности) был принявший крещение «булгарин» Стефан (Степан) Иванович Кучка⁵. Лавры основателя Москвы с Юрием Долгоруким по праву может разделить и хозяин Кучковых сел, который пал от рук воинов Юрия Долгорукого, защищая свои владения. Неслучайно у древней Москвы долгое время было второе название — Кучково⁶.

Таким образом, известные нам факты о Москве свидетельствуют о том, что она с момента основания была городом, соединившим этнически и конфессионально две изначально присущие ему духовно-культурные традиции, восходящие к исламу, прежде всего принявшим его волжским булгарам, и христианству византийского образца. Это обстоятельство имеет важное значение в плане осмысления того исторического этнокультурного фермента, который был заложен при зарождении российской столицы.

Завоевание в середине XIII века Владимирского и других княжеств Северо-Восточной Руси Золотой Ордой (или по собственному названию — Улус Джучи) открыло новый период в истории формирующегося Российского государства, который, по классификации известного русского мыслителя Н. А. Бердяева, получил название «татарского»⁷. Золотая Орда, основным этническим субстратом которой были тюркоязычные степные народности (преимущественно кипчаки), представляла собой развитое и передовое для своего времени государство, границы которого простирались от Каспия до Новгорода. Преемники Чингисхана (ум. 1227 г.), его сын Джучи, а затем Батый, которого сменили Берке и Узбек, заняли место византийских императоров в иерархии русских геополитических представлений: титулом «царь» на Руси стали именовать ханов Золотой Орды⁸. Начало этой традиции было положено владимирским князем Александром Невским (1221–1263), который, полагая, что необходимо «крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке», в условиях междоусобицы сделал ставку на союзнические отношения с сарайскими ханами. Тюрко-славянское двоемирие, воплощенное в личности Александра Невского, — следствие его воспитания в Золотой Орде, где состоялось его братание с сыном хана Батые Сартаком. Именно из рук Сартака он получил ярлык на великое княжение Владимирское. Эти обстоятельства выводили его в ближайший круг сарайских царедворцев. Именно в «татарский период», в 1270-х годах, Московское княжество выделилось в самостоятельное: его получил в наследство младший сын Александра Невского Даниил (1261–1303), родоначальник московской княжеской династии, память о котором хранит основанный в 1282 году Свято-Данилов

¹ Якубовский А. Ю. Феодальное общество Средней Азии и ее торговля с Восточной Европой в X–XV вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1932. Вып. 3. Ч. 1. С. 24.

² Гумилев Л. От Руси к России. М., 2007. С. 62–63.

³ См. об этом: Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870; Аль-Хали Амин. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1962.

⁴ Тихомиров М. Древняя Москва XII–XV вв. М., 1999. С. 17.

⁵ Ср.: Векслер А. Г. Спасательная археология Москвы. Избранные статьи и материалы. М., 2006. С. 22–23.

⁶ Салмина М. А. Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964. С. 176–177.

⁷ Бердяев Н. А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1, 2.

⁸ Гумилев Л. Указ. соч. С. 164. См. также: Allsen Th. Mongol imperialism: the politics of the Grand Qan Mongke in China, Russia and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley, 1987.

монастырь — нынешняя резиденция Московского патриархата и Священного Синода Русской православной церкви. Одновременно начинается постепенное превращение Москвы из глухого удельного города в центр Северо-Восточной Руси, сопровождавшееся расширением территории вокруг города и укреплением в целом Московского княжества. По известной оценке Н. М. Карамзина, потомка одного из ногайских родов «черного Мурзы», «Москва... обязана своим величием ханам»¹.

Включение Северо-Восточной Руси в состав Золотой Орды если и не остановило эти распри (взаимные интриги, например, московских и тверских князей продолжались еще долго, вплоть до XV в.), то по крайней мере обуздало, как отмечает Э. С. Кульпин, «деградацию нравов и массовое безумие», царившие в домонгольской Руси². Весьма показательно, что одной из первых акций ханской власти, пытавшейся провести своего рода «инвентаризацию» подвластного Русского улуса (урус улуса) — Великого княжества Владимирского, стала перепись населения в 1257 году. В том же году произошло другое важное событие: взошедший на престол младший брат Батгя хан Берке, который исповедовал ислам, объявил эту религию государственной, что вызвало к жизни изменения не только в культурной сфере, но и в общественной жизни всего улуса. «В государстве появилось множество священнослужителей, проповедников, исламских правоведов и просто знатоков и толкователей Корана, — отмечает исследователь истории Золотой Орды В. Л. Егоров. — Вслед за ними хан пригласил на государственную службу высокообразованных арабских и персидских чиновников-мусульман. Они заняли ключевые посты в государстве, включая должность везира, заметно потеснив малообразованную кочевую монгольскую аристократию»³. Ярким свидетельством включенности Руси в общую экономическую и финансовую систему Золотой Орды являются татарские заимствования в русском языке: деньги, алтын, казна, казначей, таможня и другие, о происхождении которых сегодня уже никто не задумывается. Не идеализируя Орду, представлявшую собой типичный образец восточной средневековой деспотии со всеми вытекающими последствиями (феодальный гнет, грабительская эксплуатация, политическая и социальная нестабильность и пр.), а также осознавая всю сложность для русского сознания феномена монгольского нашествия (что оставляет для ученых постоянную возможность рассуждений об упущенной исторической альтернативе, например, полицентричного развития Руси), отметим, что именно в это время были заложены необходимые предпосылки (единственно возможные в то время) образования будущего Российского государства, центром которого стала Москва. «Техника монгольской государственности»⁴ (выражение Н. С. Трубецкого), усвоенная первыми московскими князьями, вошла в кровь и плоть политической си-

стемы и социально-экономического строя Древнерусского государства.

С установлением отношений вассальной зависимости между Сараем, где располагался высший апелляционный орган Орды, и Русью роль удельных князей стала заключаться прежде всего в собирании различных налогов — ясака (дани), тамги (торговой пошлины), сусуна и улуфа (корма и питья), конака (гостевой пошлины, дара), кулуш-колтка (чрезвычайного сбора по требованию хана), хараджа (подушного и поземельного налога). В этом больше других преуспели сыновья первого московского князя Даниила Юрий (1281–1325) и сменивший его Иван (1282–1340), прозванный Калитой. Тюркское слово «калита» означало денежный кошель. Это совпало с окончательной победой в Орде исламской партии во главе с ханом Узбеком (1312) и закреплением начатого Берке курса на исламизацию не только властной элиты, но и общественной жизни улуса в целом. Претензиям князя Юрия на право быть приближенным к Орде, откуда он вернулся в 1317 году после четырехлетнего пребывания, во многом помог династический брак с сестрой хана Узбека Кончакой (в крещении Агафьей), благодаря чему он был удостоен великокняжеского ярлыка — особой инвеституры на владение владимирским великокняжеским престолом.

Брат Юрия князь Иван (Иван I) ценой активного и, главное, заинтересованного участия в подавлении бунта против ханских наместников Твери в 1328 году еще более укрепил московские позиции в Сарае, фактически став генеральным откупщиком дани по всей Руси. Это означало, что Москва, как второй по значению после Сарая политический центр, отныне приобрела монопольное право главного партнера и союзника большой ордынской политики на Руси. Характеризуя деятельность Ивана Калиты, академик Л. В. Черепнин пишет: «Этот князь жестоко подавлял те стихийные народные движения, которые подрывали основы господства Орды над Русью. Жестоко расправляясь со своими противниками из числа других русских князей, Калита добился значительного усиления могущества Московского княжества, а это содействовало процессу государственной централизации»⁵.

Эти новые исторические обстоятельства выдвинули в качестве одного из главных принципов строительства московского государства принцип этнической терпимости, который в силу особого статуса ислама предполагал подобный подход к вопросам религии. «В Москве подбор служилых людей осуществлялся исключительно по деловым качествам, — пишет Л. Н. Гумилев. — Калита и его наследники принимали на службу и татар, и православных литовцев, и простых русских людей, все богатство которых заключалось в коне да сабле»⁶.

В связи с этим следует обратить внимание на найденные в Кремле (в Тайницком саду) в ходе археологических раскопок летом 2007 года две берестяные грамоты. Одна из них имеет прямое отношение к кремлевскому жителю по имени Тураб, или Турабей, жившему на рубеже XIV–XV веков. Она содержит опись

¹ Карамзин Н. М. Предания веков. Сказания из «Истории государства Российского». М., 1988. С. 429.

² Кульпин Э. С. Золотая Орда. М., 1998. С. 21–22.

³ Егоров В. Л. Золотая Орда. М., 2005. С. 21–22.

⁴ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 225–226.

⁵ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 512–513.

⁶ Гумилев Л. Н. Указ. соч. С. 179.

его имущества. По мнению главного археолога Кремля Татьяны Пановой, Турабей мог быть крещеным татарин¹, хотя в свете усиления роли исламского фактора в жизни улуса того времени перемены веры скорее всего могло и не быть. Терпимость в вопросах веры в это время была под двойным контролем — со стороны как ордынских ханов, так и следовавших в фарватере ордынской политики московских князей, которым (как «верным улусникам» — так себя именовал Иван Калита) важно было сохранить свое привилегированное положение и благожелательность татарских союзников. Крещение как обязательное условие поступления на московскую службу было узаконено позднее, с упадком Орды и постепенным нивелированием исламского фактора в жизни Московского царства. Для общественно-политических реалий правления первых московских князей был важен факт выбора элитой Золотой Орды ислама как государственной религии, что они никак не могли игнорировать.

Тем не менее для немусульманского населения далекой от Сарая древней Москвы — простых горожан — религиозные предпочтения ханов скорее всего могли пройти незаметно и без осложнений, не повлияв на их традиционные убеждения. «Парадоксальным образом укрепление ислама в Орде, — отмечает Р. Г. Ланда, — сопровождалось укреплением православия на Руси»², что способствовало воспроизводству основанных на нем традиционных социокультурных структур. Ислам, если вспомнить его основополагающие богословские принципы, предполагает терпимое отноше-

ние к «людям Писания» («ахлюль-киتاب») — христианам и иудеям при условии их политической лояльности и уплаты подушной подати — «джизьи», которая в сознании ордынских улемов трансформировалась в форму регулярно собираемой дани или могла стать ее религиозным обоснованием. Даже в более поздние времена, когда заработал механизм тотальной христианизации татарского населения, естественное стремление остаться в лоне своей веры вызвало к жизни распространённую в средневековом исламе практику «атакийя» («благоразумное сокрытие своей веры»), позволяющую верующему в случае опасности или угрозы для его жизни притворно отказываться от своих убеждений, что привело к образованию особой группы крещёного татарского населения — «криптомусульман», которые внешне согласно навязанному религиозному выбору были христианами, но тайно, следуя исконной духовной традиции, исповедовали ислам³. О значении исламской духовной традиции в жизни средневековой России говорит и то, что вплоть до начала XVIII века на посланиях московских государей мусульманским правителям был по-арабски начертан коранический фрагмент «би-инайати Рабби-ль-аламин» — «милостью Владыки миров»⁴.

Таким образом, цивилизационные характеристики России во многом опираются на исторический результат развития средневековой Москвы, величие которой, согласно оценке Карамзина и других известных русских историков, состоялось благодаря опоре на Золотую Орду и ее ханов.

¹ Интервью с главным археологом Московского Кремля Татьяной Пановой (Известия. 2007. 23 нояб. № 215).

² Ланда Р. Г. Россия и мир российского ислама. М., 2011. С. 43.

³ Ср.: Шукуров Р. М. Тюрки в византийском мире в XIII–XV вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011.

⁴ Герб и флаг России. X–XX века. М., 1997. С. 254, 256.